

С. Р. Шигапов

Блюститель правоверия: император Николай I в жизни Русской Православной Церкви

УДК 271.2-9+94(47)

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_315

Аннотация: Роль российских государей в жизни Русской Православной Церкви продолжает оставаться малоизученной темой. Исследование данного вопроса способно открыть новые стороны церковного устройства синодального периода. Появляется возможность увидеть — вместо привычного противопоставления светской и духовной властей — реальные механизмы управления церковной жизнью, в которой существенными прерогативами обладал император. На примере государя Николая Павловича (1825–1855) автор показывает, как православный самодержец сочетал в себе черты светского и церковного руководителя, сообразно новой законодательной формуле «главы Церкви». Степень внешнего «вмешательства» императора зависела от его личной религиозности и воцерковленности. В результате удается проследить, что решение Николаем I различных церковных вопросов происходило ситуативным образом и не выражало стремление монарха намеренно узурпировать каноническую власть Церкви. Статья представляет собой историческое исследование, опирающееся на неопубликованные архивные источники.

Ключевые слова: история Русской Церкви, Николай I, Святейший Синод, церковное управление, православное духовенство, обер-прокурор, самодержавие.

Об авторе: **Савелий Рустамович Шигапов**

Аспирант Факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.

E-mail: shigapovs94@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3037-4316>

Ссылка на статью: Шигапов С. Р. Блюститель правоверия: император Николай I в жизни Русской Православной Церкви // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 315–326.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2021

Saveliy R. Shigapov

**The Guardian of Orthodoxy: Emperor Nicholas I
and the Russian Orthodox Church**

UDC 271.2-9+94(47)

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_315

Abstract: The role of Russian sovereigns in the life of the Russian Orthodox Church continues to be a poorly studied topic. The study of this issue can open up new aspects of the church structure of the Synodal Period. Instead of the usual opposition of secular and spiritual authorities, it becomes possible to see the real mechanisms of governing church life, in which the emperor had significant prerogatives. Using the example of Tsar Nicholas I (1825–1855), the author shows how an Orthodox autocrat combined the features of a secular and ecclesiastical leader, in accordance with the new legislative formula of the “head of the Church”. The degree of external “interference” of the emperor depended on his personal religiosity and devotion. As a result, it is possible to trace that the solution by Nicholas I of various church issues took place in a situational manner and did not express the monarch’s desire to deliberately usurp the canonical power of the Church. The article is a historical research based on unpublished archival sources.

Keywords: Russian Church history, Tsar Nicholas I, Holy Synod, church administration, orthodox clergy, ober-procurator, autocracy.

About the author: **Saveliy R. Shigapov**

Postgraduate Student at the Faculty of History, European University of St. Petersburg.

E-mail: shigapovs94@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3037-4316>

Article link: Shigapov S. R. The Guardian of Orthodoxy: Emperor Nicholas I and the Russian Orthodox Church. *Khristsianskoye Chteniye*, 2021, no. 4, pp. 315–326.

Во второй половине 1838 г. крестьяне погоста Сандогор (Костромской уезд) стали свидетелями череды необычных происшествий. Однажды вечером к местной церкви явился священник соседнего села Троицкого, отстоявшего на две 2 версты, Николай Докторов, который, по словам местного сторожа, был «в весьма пьяном виде и... беспамятстве». Служитель Церкви поднялся на колокольню и принялся громко «ударять без всякой сообразности». Все попытки сторожа остановить безобразие только вызвали гнев буйного попа, который начал «бить его бесчеловечно руками по голове и другим членам до окровления». Изувеченного сторожа спасло только прибытие на звон дьячка и пономаря. Пока потерпевший пересказывал произошедшее местным сотским и десятскому, священник отправился в родную церковь служить вечерню, надев епитрахиль наизнанку. За попытку защитить сторожа он подверг дьячка Тимофеева наказанию поклонами, а сам на следующий день, вновь в состоянии опьянения, со Святыми Дарами явился на мирской сбор. Прихожанам ничего не оставалось, как составить приговор в Костромскую консисторию о непристойном поведении своего клирика.

Разумеется, подобное происшествие не было единственным в своем роде. Однако дело священника Докторова уже в январе 1839 г. разбирал лично император Николай Павлович, наложивший собственноручную резолюцию (РГИА. Ф. 796. Оп. 120. Д. 41. Л. 1–8). Почему сквернословие, пьянство и бесчинство обыкновенных священников, служащих по разным епархиям Российской империи, привлекали личное внимание монарха? Была ли борьба за благочестие проявлением личной набожности Николая I или составляла часть более крупного политического проекта? Как справедливо указывает С. Л. Фирсов, эти вопросы имеют самостоятельную значимость в историко-церковной науке, поскольку помимо того, что император оставался светским самодержцем, он имел еще и «киторские» полномочия в Русской Православной Церкви [Фирсов, 2010, 152; Фирсов, 2021, 19–62, 87–122].

Издание Свода законов 1832 г. явилось одним из важнейших этапов развития российской государственности. Помимо всего прочего, оно было ознаменовано укреплением за императором статуса «главы Церкви». Соответствующая статья гласила: «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов и блюститель правоверия и всякого в Церкви святого благочестия» (СЗРИ, 1832, т. 1, ч. 1, Ст. 42). В общем и целом, это событие оценивалось историками как показатель еще большего подчинения Церкви государству [Федоров, 2003, 167, 188; Смолич, 1996, 118–124]. Однако рост правительственного влияния на Церковь связывался прежде всего с деятельностью синодальных обер-прокуроров, а вопрос о степени личного участия государей в церковной жизни во многом остается неразрешенным в литературе. В данной работе мы выделим несколько характерных сюжетов, связанных с деятельностью Николая Павловича в духовной сфере. Нашей задачей будет показать, что решение различных церковно-управленческих задач эффективней рассматривать с более детального ракурса, чем деятельность безличного «государства».

Знаменательно, что общая формулировка Свода законов о том, что император является «верховным защитником и хранителем догматов и блюстителем правоверия и всякого в Церкви святого благочестия», становится более осязаемой, если взглянуть на отдельные случаи, в которых принимал непосредственное участие Николай I. Весной 1829 г. в Св. Синоде происходило бурное обсуждение ходатайства генерал-адъютанта Клейнмихеля о вступлении в брак с двоюродной сестрой его бывшей жены. Архиереям надлежало установить допустимую степень родства и возможность признания такого союза. Их мнения разделились, что заставило обер-прокурора князя П. С. Мещерского представить ситуацию на высочайшее усмотрение. Сам князь поддерживал сторону, считавшую невозможным удовлетворение данной просьбы. Однако обращение обер-прокурора вызвало крайне негативную реакцию Николая Павловича, заявившего: «В догматах веры разногласия быть не может и не должно. Посему подобного представления принять не могу от высшего духовного места в государстве. Вам, как блюстителю законов, должно вразумить членам Синода и, когда

положится общее единогласное мнение, основанное не на умствованиях и толкованиях, а на точном смысле догматов, тогда мне оно представлять. Сим делом заняться немедленно, ибо впредь строго запрещая входить с подобным докладом, который совершенно выходит из всякого приличия». В конце концов высочайшее заявление о неизбежности догматов привело архиереев к единогласному решению [Благовидов, 1899, 373].

Забота о догматах Церкви преследовала не только сугубо легалистские цели, но напрямую связывались с управлением населением. В своих предписаниях Св. Синоду в 1827–1828 гг. Николай I отмечал, что будет защищать «святость храма Божия» по «всегдашнему желанию своему, чтобы служители алтаря Господня... учили не одним словом, но... примером доброй нравственности» (Полное собрание, 1915, 128). Он признавался, что «состояние духовенства всегда привлекало на себя особенное Наше внимание» с точки зрения укрепления общественного порядка и безопасности (Полное собрание, 1915, 221). На публичном уровне формула «государь — глава Церкви» не оценивалась как символическая или как насильственная узурпация. Напротив, участие императора в принятии реальных административных решений выглядит вполне естественным следствием текущего монархического порядка.

Основное внимание уделялось еженедельным докладом обер-прокурора по актуальным и решенным делам. В частности, его нередко привлекали дела о вдовах, а также о нуждающихся или ошибочно осужденных клириках. Так, в одном из отчетов Николай Павлович потребовал «немедленного ответа» по делу об определении на новое место невинно осужденного псковского священника Мацкеева, случай которого, по наблюдению государя, рисковал упасть в долгий ящик (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10026. Л. 4–4 об.). В конце 1827 г. за высочайшим утверждением брака, расторгнутого Синодом, обратился некий городской секретарь Пovalo-Швейковский. Николай I удовлетворил просьбу, поскольку, по его мнению, «Брак расторгать, когда он дозволен был духовным начальством, я не признаю ни справедливым, ни удобным». Догматическая логика монарха так обеспокоила архиереев, что они решились подать на его имя записку с обоснованием законности своего решения, которая вынудила Николая I изменить решение и сделать выговор в адрес обер-прокурора [Благовидов, 1899, 375–376]. В другом случае, на просьбу вдовы священника Волоповского о принятии трех ее дочерей в воспитательные заведения, император лично ходатайствовал об определении одной из них в Смольный Институт (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 19 об.). Иногда духовенство выступало в роли соучастников преступлений. В первый же год царствования Николая I в Петербурге стало известно о злоупотреблениях помещицы Ольги Б. из Курской губернии. Многолетние поборы со своих крестьян достигли апогея с желанием хозяйки построить церковь. В работах принимали участие как малолетние дети (возили кирпич), так и беременные женщины, для которых последствия такой нагрузки часто оказывались роковыми. Избежав в 1822 г., благодаря столичным связям, наказания, помещица в начале нового царствования все же лишилась поместья, а местного священника Гапонова, который руководил «богоугодной» стройкой, император приказал заключить в монастырь. Исполнение приговора затянулось почти на восемь месяцев, что снова заставило Николая I вмешаться в общий ход дел по Комитету министров и обязать высшее чиновничество более строго отчитываться о выполнении высочайших повелений. Дело о строительстве сельского храма и защите нескольких беременных крестьянок от произвола привело к серьезному разбирательству и дискуссии о порядке отчетности чиновников [Строев, 1912, 154–155].

Материалы показывают деятельное участие монарха в разрешении любого рода дел. Николай Павлович не жалел драгоценных часов для того, чтобы ознакомиться с обстоятельствами, возникавшими в быте его подданных. Однажды он был вынужден разобрать просьбу вдовы священника Козакевича о денежном пособии. Та жаловалась, что получила совершенно ничтожную пенсию от официального ведомства. В ответ на это государь оставил для обер-прокурора резолюцию: «Может ли быть,

чтоб получала только 4 руб. в год? По какому это правилу?» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 18 об.). Император выносил одобрительные пометки под самыми незначительными случаями: коллективное прошение о повышении жалования в Каргопольском монастыре, о пособиях для вдов священников, просьбе церковного старосты о награждении, о переводах клириков, аресте и освобождении старообрядцев и т. д. (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 4–8). В. Н. Строев справедливо описывал, что Николай I «старался следить за всеми явлениями государственной жизни, как бы они ни казались с первого взгляда мелочными» [Строев, 1912, 191]. Его внимание обращалось на малозначимые дела, поднимая их на правительственный уровень. Например, предложение о штатном жалованье причта столичного Петропавловского собора было отправлено по высочайшему повелению на рассмотрение Комитета министров (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 15 об.). Отдельные случаи пересылались на разбор министру финансов Е. Ф. Канкрину и главе внешнеполитического ведомства К. В. Несельроде. В другой раз Николай I ознакомился с заявлением некоего послушника Гаврилова об освобождении из монастыря, которое было отклонено и направлено министру юстиции «для отвращения впредь подобных беспорядков» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 10).

Разрешение церковных дел преследовало логику законности и справедливости. Спорные ситуации, как видно из примеров, требовали вмешательства монарха в качестве правового арбитра. В ситуациях же проволочек Николай I выполнял административные функции. Наконец, удовлетворение личных прошений было проявлением «заботы о подданных», что вписывалось в основную задачу регулярного государства Нового времени. В общем ходе дел градация духовных и светских прерогатив редко простирается на первый план, уступая логике законного течения дел.

Деятельность Николая I была особенно заметной в тех областях жизни Церкви, которые были ему хорошо знакомы. Обладание знаниями в области инженерии и архитектуры обусловило интерес к устройству храмов. Официальные «представления» на устройство новых церквей и монастырей поступали в Св. Синод со всей империи, затем отражаясь в отчетах обер-прокурора. И к этим вопросам император подходил весьма тщательно, требуя, чтобы помимо запросов ходатаи присылали на высочайшее имя также планы зданий и схему расположения в черте города, о чем было сделано распоряжение Синода. Интересна реакция на него со стороны кишиневского архиепископа, который в мае 1827 г. прислал в Петербург запрос на строительство в Одесском Успенском монастыре каменной ограды и Святых врат. Архиепией пояснял, что в силу синодального указа не решается самостоятельно инициировать постройку без высочайшего позволения. Обер-прокурор князь П. С. Мещерский был вынужден ответить, что разрешение монарха требуется только в особых случаях, когда дело касается архитектурных особенностей храма. Чиновник посоветовал архиепископу обратиться в строительный комитет (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10025. Л. 1–3).

В апреле того же года Николай I ознакомился со знаменитым проектом Десятичной церкви в Киеве архитектора В. П. Стасова. Фасадный дизайн настолько поразил взыскательного монарха, что он вынес довольно редкую для себя резолюцию: «архитектору Стасову объявить, что проект его прекрасен, и послать на образец в Академию Художеств» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 12 об.). Относительно более скромного проекта астраханской семинарии император, напротив, отозвался настороженно, предложив доработать фасад (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 18). Николай Павлович не только знакомился с планами предстоящих построек, но и всерьез относился к вопросу об их необходимости в каждом конкретном случае. Например, на просьбу Староладожского Никольского монастыря устроить в Санкт-Петербурге собственную часовню император отправил запрос обер-прокурору о том, были ли в столице подобные примеры. Когда выяснилось, что такие сооружения уже существуют в городе, разрешение «на том же основании» возвести собственную часовню монастырь все-таки получил (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 21–22). В схожем ключе Николай I знакомился с планом предстоящей духовной миссии в Пекине, а также с описанием работ

по извлечению из ямы разбитого московского колокола (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 25 об.). Достоянием монаршего внимания становились самые незаметные случаи. Общей тенденцией было внимательное знакомство с каждым делом, а также стремление к порядку и единообразию.

Уже в начале 1826 г. император попытался упорядочить процедуру возведения новых храмов. Согласно постановлению, для этого требовалось теперь высылать на имя преосвященного планы и фасады планируемых зданий, а также подробное изложение целей и других обстоятельств предстоящего строительства. Духовное начальство отсылало проекты в Министерство внутренних дел, которое разработало для этих нужд собрание типовых фасадов и планов для каменных церквей (Полное собрание, 1915, 35). Более того, по закону ни одна церковь не могла приобретать недвижимое имущество без предварительного одобрения императора, который утверждал строительный бюджет. В начале 1830-х гг. вятский епископ Иоанникий попытался ослабить это ограничение, сославшись на то, что в делах купли-продажи «случаются обстоятельства столь маловажные, кои не только не стоят того, чтоб утруждать оными Государя Императора, но и Святейший Синод». Однако оказалось, что никакое церковное предприятие не воспринималось в империи как незначительное. Император подтвердил, что любое приобретение или продажа нуждаются в централизованном согласовании (Полное собрание, 1915, 838–839).

Регулирование храмового строительства и вопросов собственности сложно рассматривать как попытку грубого вмешательства в духовные вопросы. В лучшем случае, можно говорить о последствиях секуляризации церковно-монастырских земель 1764 г. Однако формулировки источников вновь обнажают стремление императора к единообразию и порядку сферы церковного строительства, которая по разным причинам оказалась ему близка.

Другим известным увлечением Николая I было духовное пение. Характерный случай описывает в своих воспоминаниях М. А. Корф. Во время объезда губерний в 1834 г. статс-секретарь Позен стал свидетелем любопытного диалога в государевом кабинете. Сопровождавший путешествие врач И. В. Енохин происходил из духовного звания и в молодости пел на церковном клиросе. Николай Павлович, находившийся в «веселом» настроении, обратился к нему с необычной просьбой: «Так спой же что-нибудь, а я буду припевать». Оба приступили исполнять церковные стихиры. Николай I удостоился похвалы от более опытного коллеги и остался очень доволен: «В самом деле, у меня голос недурен, и если б я был тоже из духовного звания, то вероятно, попал бы придворные певчие» [Корф, 2003, 50]. Княжна Ольга Николаевна вспоминала, что вся семья «принимала участие в разучивании духовных песен, которое выдумал Папа... Папа, Саша, Мэри и Адина, у которой было прекрасное сопрано, а также Анна Алексеевна и еще некоторые пели всю обедню. Алексей Львов сочинил для них песнопения, между ними „Огче Наш“ и чудесную „Херувимскую“, специально для Адина. По воскресеньям, перед обедней, все собирались, чтобы прорепетировать, если нужно было петь новые песнопения Празднику, а главное, прокимен, который имел на все 52 недели года для каждого воскресенья свое собственное название и молитву. У Папа стало с тех пор привычкой узнавать прокимен для следующего воскресенья заранее» [Тарасов, 2007, 272].

В ноябре 1833 г. Николай I участвовал в первом прослушивании гимна «Боже, Царя храни», который оставался главной символической песней Российской империи вплоть до революции 1917 г. Знаменательно, что государь наделил это произведение высоким духовным значением. В. В. Розанов приводил любопытный эпизод, связанный с этой темой. Однажды вечером, проходя по дворцу, Николай Павлович услышал, как его дочери, собравшись вместе, исполняли «Боже, Царя храни». Дождавшись окончания пения у приоткрытых дверей, император вошел в купальню и сказал ласково и строго: «Вы хорошо пели, и я знаю, что это из доброго побуждения. Но удержитесь вперед: это священный гимн, который нельзя петь при всяком случае и когда захочется... Это можно только очень редко и по очень серьезному поводу»

[Высочков, 2018, 650; Фирсов, 2010, 170]. Власть и личная вера очень тесно сплетались не только в мировоззрении императора Николая Павловича, но и в порядке церковного управления его времени.

Желание ближе познакомиться с различными частями духовной жизни (прошения, строительство, церковное пение) могло приводить, как мы увидим в дальнейшем, к реакционным действиям. Тем не менее внимание к положению духовенства было продиктовано вполне конкретными событиями политического характера, а не личным стремлением подчинить церковный институт единоличной светской власти.

Зимой и весной 1826 г. по ряду губерний прокатилась волна крестьянских выступлений (178 против 61 в прошлом году [Миронов, 2019, 832]), для подавления которых потребовалось участие военных команд. События привлекли внимание Николая I еще и тем, что к делу оказалась причастной Церковь. Высочайшее повеление 18 июня 1826 г. сохранило не только фактические сведения, но и личное отношение императора: «Его Величество с сожалением изволил усмотреть, что во многих местах священники ободряли и руководили крестьян к сему неповиновению. Его Величество изволит сему тем более удивляться... Сими происшествиями Государь Император, убедясь в ощутительности недостатка в достойных сельских духовных пастырях... повелел...». В документе ожидаемо предписывалось более строго относиться к обучению и назначению молодых служителей. С целью не допустить превращение указа в пустую формальность, Николай I повелел Св. Синоду разработать необходимые меры и довести в кратчайшие сроки до его сведения. Ему стало известно, что в местности, где наиболее широко распространились акты неповиновения, один сельский священник по фамилии Филимонов (пог. Стижна, Гдовский уезд) сумел вразумить крестьян и предотвратить насилие. Николай Павлович не только лично распорядился о награждении его Орденом Св. Владимира 4-й степени, но и потребовал от Синода распространить информацию о служебном подвиге Филимонова во все епархии империи (Полное собрание, 1915, 70–71).

Император поставил ситуацию под свой контроль и ожидал строгой отчетности о принимаемых мерах со стороны местной церковной власти. В феврале 1827 г. он отмечал, что получает донесения о происшествиях в церквях преимущественно по линии губернской власти, тогда как сведения от консисторий и епископов поступают «по истечении значительного времени после событий». Это вызывало даже сомнения в том, «известен ли тот или другой поступок духовных лиц начальству их?» (Полное собрание, 1915, 128). Однако ситуация серьезным образом не изменилась, и уже в 1829 г. правительство вновь разослало каждому архиерею синодальное постановление о том, «чтобы о происшествиях в церквях доносимо было немедленно Его Величеству» (РГИА. Ф. 796. Оп. 110. Д. 24. Л. 1).

Высочайшие доклады доставлялись обер-прокурором трижды в год — в январскую, майскую и сентябрьскую трети. Обер-прокурор составлял краткие выжимки из донесений секретарей консисторий, описывая краткое содержание происшествия и вынесенное решение (РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 1012). Однако монарх не просто механически прочитывал доклады, но оставлял резолюции и распоряжения по тем делам, которые привлекали его особое внимание. Так, «Император, рассматривая сведения о происшествиях за Майскую треть минувшего (1827. — С. III) года, изволил обратить внимание на приключение в Покровской церкви с Великой Веси (Черниговской еп.), где священник Лука Шумский» вел богослужение в нетрезвом виде (Полное собрание, 1915, 238). Каждый раз после ознакомления с громкими делами, Николай I предписывал Синоду усилить надзор над подопечными и более аккуратно относиться к присылаемым материалам (Полное собрание, 1915, 220).

Строгость к документообороту преследовала цель исключить бюрократические проволочки и неточное исполнение поручений. По замечанию В. Н. Строева, «Государь вносил начало строгого порядка и контроля во все области государственной жизни, что, как известно, было основной чертой всего царствования» Николая I

[Строев, 1912, 159]. Получив в декабре 1827 г. очередную ведомость о синодальных распоряжениях, он немедленно поставил на вид обер-прокурору, что документ не разделен в соответствии с новыми регламентами из отделения. Более того, два дела (о вдове священника и выписке пособия) вычеркнуты из числа неисполненных, хотя об их завершении доложено не было. Князь П. С. Мещерский был вынужден оправдываться нехваткой времени для того, чтобы оформить ведомости по новым требованиям, а также разобраться с просьбой вдовы (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10026. Л. 1–3 об.).

Он регулярно замечал «промедление в ходе дел» либо неспособность обер-прокурора всерьез относиться к отдельным казусам (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10026. Л. 7). Император, действительно, брал на себя роль не просто надзирателя, но полноценного администратора, не упускающего даже малейшие детали делопроизводства. В январе 1831 г. обер-прокурор вновь получил замечание за то, что дело о брани военного поселения с девушкой оставалось открытым из-за отсутствия сведения, тогда как после личного внушения МВД и новгородскому митр. Серафиму Николаю Павловичу было известно, что необходимые показания от лейтенанта были доставлены по назначению (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10026. Л. 15–17). Замечания по отчетности касались, разумеется, не только церковной части. По словам М. А. Корфа, когда император в 1838 г. заметил ошибку в одном из его докладов, он лаконично напомнил: «Вы забыли, кажется, что я привык читать, а не просматривать присланные бумаги» [Тальберг, 2006, 455].

В дальнейшем, как показывают источники, Николай Павлович почти ежемесячно предьявлял распорядителю духовного ведомства свои коррективы. Замечания, постоянно возникающие при получении обер-прокурорских ведомостей, заставили статс-секретаря А. Н. Муравьева составлять со слов императора типовую таблицу, содержащую выжимки дел и любопытную графу «В чем состоит медленность» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10026. Л. 8–8 об.). Совершенно аналогичные замечания, вплоть до формулировок, получали министры других ведомств [Строев, 1912, 156–157]. Вмешательство в ход административных дел сопровождалось не только резолюциями, но и личным участием в устройстве отдельных отраслей. В 1827 г. Николай I неожиданно утром посетил Сенат. Случай приобрел резонанс: обнаружилась не только огромная проволочка в делах, но и отсутствие служащих на рабочем месте. Император продемонстрировал подчиненным, что наступала новая эпоха в государственной жизни России [Высочков, 2018, 233].

Через административных ужесточений в сфере надзора за поведением духовенства, естественно, последовала при активном участии императора. Спустя два месяца после событий на Сенатской площади произошли волнения крестьян в с. Плещеево Ярославского уезда. В 1821 г. владлец волости князь Н. С. Гагарин уехал за границу, оставив управление некоему отставному капитану Капшелю. Опекун резко усилил трудовую нагрузку на местных крестьян, что привело к упадку хозяйств и выступлению. События зимы-весны 1826 г. легли в основу очерка «Плещеевский бунт», созданного рукой ярославского поэта и краеведа Л. Н. Трефолева.

Ситуация в Плещеевской волости обострялась несколько раз. Крестьяне отказывались работать, писали жалобы в губернию и готовились подать прошение в Петербург. Из определенных источников губернатору А. М. Безобразову стало известно, что одним из вдохновителей неповиновения является местный приходской священник Михаил Лукин. С согласия консистории последний был отстранен от служения, а позднее арестован за подстрекательство крестьян к восстанию. Положительных результатов подобная мера не дала: «народ, жалея своего пастыря, выражал свое горе слезами. Многие кричали: „Прощай, батюшко, молись за нас!“». Беспорядки были подавлены военной силой, а к суду Уголовной палаты было привлечено 213 человек, из которых 16 человек были высланы на поселение в Сибирь, 37 человек получили наказание плетью и 2 человека — кнутом [Треволев, 1877, 162–168; Федотов, 2002, 27–30]. К сожалению, судьба священника оказалась неизвестна ярославскому краеведу.

Следственное дело в архиве Св. Синода проливает свет на дальнейший ход событий. Во время расследования о. Михаил содержался в монастыре. В результате допроса

виновных крестьян было установлено, что он отслужил прихожанам специальный молебен Архистратигу Михаилу об избавлении от «тяжких работ господских», после которого крестьяне дали клятву идти до конца в деле требования свободы от крепостной зависимости и переходе в казенное состояние (РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 1–1 об.). Священник был приговорен к отлучению от службы и извержению из сана. Однако в августе того же года последовал Всемиловейший манифест, по которому все находящиеся под судом и следствием (кроме дел о смертоубийстве, разбое, грабеже и лихоимстве) должны быть освобождены. Отцу Михаилу Лукину удалось на время избежать наказания (РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 5–6 об.).

Однако управляющий Министерства внутренних дел еще весной доложил Николаю I о деле плещеевского служителя. Император лично приказал предать священника гражданскому суду и доложить об исполнении дела в Петербург. Дело было взято под личный контроль, и Синод должен был извещать государя о любых изменениях в расследовании (РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 2, 22 об.). Несмотря на это, Николаю I только в феврале 1827 г. стало известно, что решение по делам о подстрекательстве крестьян к неповиновению аннулируются в силу Всемиловейшего манифеста. Император приказал возобновить следствие по этим делам. В результате свящ. Михаил Лукин был лишен сана, исключен из духовного звания и отдан под суд гражданского ведомства (РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 24–24 об.). По объяснению обер-прокурора князя П. С. Мещерского членам Синода, данные преступления «притовположны Духу Христианского учения», а потому требуют обязательного наказания (РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 257. Л. 13–13 об.). Николай I требовал предать ярославского священника «суждению по законам: ибо ему надлежало по сану и званию приложить всевозможное старание укротить предстоящий толико важный беспорядок всему его звания средствами; даже не щадя живота своего, а не приводить паству его в вящее заблуждение и преступление его неприличным ей потворством» (РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 149. Л. 1–2).

С точки зрения императора, участие священников в волнениях крестьян подходило сразу под две известные категории нарушений: пренебрежение своими служебными полномочиями и, собственно, неповиновение властям. Нравственной обязанностью клирика как исполнительного лица было противостояние бунту. В подобной логике он рассматривался как, скорее, своего рода служащий духовного ведомства, чем лицо сакральное, поэтому следствие должно было идти по прежнему порядку.

Нетерпимость императора к безнравственным поступкам духовенства выражалась в многочисленных предписаниях и резолюциях. В феврале 1827 г. он ознакомился с жалобой свящ. Луки Лесницкого на притеснения со стороны епархиальной власти. Николай Павлович не только не удовлетворил просьбу, но и обозначил обер-прокурору: «Я считаю, что подобный человек священником быть не может, потому и допустить его к священнодействию не должно (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 8 об.–9). Уже в марте в ответ на проступки некоего священника Креницкого также последовало жесткое предписание: «Ни в каком случае не оставить священником, а предоставить Митрополиту решать, может ли остаться в Духовном Звании» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 10). Как обычно, если духовные учреждения реагировали недостаточно быстро, со стороны монарха могли последовать и подобные вопросы в адрес синодального прокурора: «Почему священник Черниговской епархии Яроцкий, порочный в своих проступках, оставлен в сем звании, и было ли о таковых поступках известно Синоду?». Ранее суд приговорил его к запрещению, отрешению от сана и понижению до причетника за нанесение удара по голове чиновнику Садовскому (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10047. Л. 11 об.–12).

Особенно показательный случай произошел с настоятелем новгородского Юрьевского монастыря архим. Фотием (Спаским). Последний был одним из наиболее авторитетных православных иерархов в империи. Среди современников он приобрел славу искреннего борца с «мистиками» и масонами, которые окружали престол Александра I. По мнению некоторых, величайшей заслугой архим. Фотия

стало издание указа о запрете масонских лож, который не позволил событиям декабря 1825 г. приобрести более широкий характер [Фотий Спасский, 2010, 5, 43–45; Кондаков, 2000]. В содружестве с митр. Серафимом (Глаголевским) он составил главную оппозицию другу императора и духовному министру А. Н. Голицыну. По случаю ликвидации Министерства просвещения и духовных дел архимандрит писал одному из московских настоятелей: отныне «Министр наш один Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь» [К истории, 1868, 946]. По ходатайству А. А. Орловой-Чесменской архим. Фотий был назначен пожизненным настоятелем своей обители [Карнович, 1875, 329]. Несмотря на это, влияние иерарха сохраняло государственный масштаб.

Темным эпизодом его биографии стал приезд Николая I в Новгород в 1835 г. Явившись в обитель рано утром без свиты, император «долго обходил его», прежде чем появился архимандрит. Одетый в богатую рясу, архим. Фотий благословил августейшего посетителя и протянул ему руку для целования. Как оказалось, сразу после приема обер-прокурор получил личное распоряжение Николая Павловича разобраться с ситуацией в монастыре.

Император писал: «Некоторые вещи, как отступление от общего должного порядка, должны были обратить мое внимание. Осмотрев монастырь в сопровождении архимандрита, возвратился в большой собор, где приказал отслужить короткую эктению с многолетием. Архимандрит, распоряжась, сам не служил, а остался подле меня; крест же вынес ко мне другой иеромонах. Выходя же из монастыря, испросил я благословение у архимандрита, который, осенив меня крестным знамением, протянул мне руку к целованию, вопреки существующему обыкновению для Царской фамилии. Наконец, нашел я архимандрита, одетого в фиолетовой бархатной рясе, вместо черной; мне неизвестно — дозволено ли ношение таковых, кроме одних архиереев. Сообщите обо всем этом митрополитам, а архимандриту велеть прибыть в Невский монастырь, дабы, под наблюдением митрополита, учился всем принятым обрядам в подобных случаях у архимандрита Палладия» [Высылка, 1876, 629]. Нарушение общего ритуала воспринималось, по всей видимости, как показатель излишнего честолюбия иерарха [Высочков, 2018, 278].

Строгость к внешнему распорядку и одежде составляла особую черту Николая Павловича. Случай, произошедший в Юрьевском монастыре, был не единичным. В 1834 г. государь отправил на покой в монастырь епископа Смоленского и Дорогобужского Иосифа (Величковского). Архиерей так оробел при виде царственной особы, что вместо торжественного слова начал кропить государя святой водой. Происходящее вызвало негодование императора: «Что вы делаете, Владыко, бесов из меня выгоняете, видно? Вы совсем облили меня водой!». Судьба неосторожного епископа была решена [Фирсов, 2010, 171; Фирсов, 2021, 43–44]. Тогда же, в 30-е годы, Николай I запретил размещение царских портретов в храмах, чтобы не нарушать канонический церковный порядок [Фирсов, 2010, 175; Фирсов, 2021, 48]. В июле 1827 г. государь вносил коррективы в дизайн мундиров для служащих духовного ведомства: «Дабы отличать... сей от утвержденных для М. Инос. Дел, иметь пуговицы не матовые, а гладкие с гербом» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10027. Л. 23). В октябре того же года он присутствовал на одном из богослужений, на котором духовенство при чтении реляций стояло спиной к читающему. Естественно, это не ускользнуло от внимания монарха, приказавшего, чтобы впредь духовенство «стояло по прежним примерам спиной к левому крылосу» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10045. Л. 1).

Участие монарха в разборе дисциплинарных проступков, на наш взгляд, в меньшей степени вписывается в привычную парадигму вмешательства государства в дела Церкви. Император находился, скорее, в положении над системой, осуществляя общее руководство империей, которая представляла собой модель «конфессионального государства». Прерогатива православного государя как высшего духовного арбитра была не просто наследием царской традиции, но и воплощала новый идеал монарха как главы бюрократической системы.

С другой стороны, личное участие в разборе дисциплинарных и гражданских проступков духовенства говорит о важности этой сферы для государственного управления. Император реагировал на запросы подданных и на акты неповиновения крестьян. Модерный бюрократический строй требовал законного порядка, правосудия и строгой отчетности во всех сферах общественной жизни, не исключая религиозную. Влияние новых управленческих запросов на церковное управление требует активного дальнейшего изучения.

Источники и литература

Источники

1. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 107. Д. 149. Л. 1–2; Д. 257. Л. 1–2, 5–6 об., 13–13 об., 22 об., 24–24 об.; Д. 1012; Оп. 110. Д. 24. Л. 1; Оп. 120. Д. 41. Л. 1–8; Ф. 797. Оп. 3. Д. 10025. Л. 1–3; Д. 10026. Л. 1–4 об., 7, 8–8 об., 15–17; Д. 10027. Л. 4–10, 12 об., 15 об., 18–18 об., 19 об., 21–22, 23, 25 об.; Д. 10045. Л. 1; Д. 10047. Л. 11 об.–12.
2. Полное собрание (1915) — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1. Царствование государя императора Николая I. 1825 (декабря 12) — 1835 г. Пг.: Тип. 1-й Петр. трудовой артели, 1915.
3. СЗРИ (1832) — Свод законов Российской империи. СПб., 1832.

Литература

4. Благовидов (1899) — *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия: развитие обер-прокурорской власти в Синод. ведомстве. Казань, 1899.
5. Выскочков (2018) — *Выскочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М.: Академический проект, 2018. С. 650.
6. Высылка (1876) — Высылка архимандрита Фотия из Новгородского Юрьева в Александро-Невский монастырь, 1835 г. // Русская старина. 1876. Ноябрь. С. 629.
7. Карнович (1875) — *Карнович Е. П.* Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря, 1798–1838 гг. Биографический очерк // Русская старина. 1875. Июль. С. 301–334.
8. К истории (1868) — К истории библейских обществ в России // Русский Архив. 1868. № 6. С. 940–942.
9. Кондаков (2000) — *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.
10. Корф (2003) — *Корф М. А.* Записки. М., 2003.
11. Миронов (2019) — *Миронов Б. Н.* Крестьянское движение в России накануне эмансипации как момент истины // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 817–842.
12. Смолич (1996) — *Смолич И. К.* История Русской церкви / Пер. с нем. М., 1996. Ч. 1.
13. Строев (1912) — *Строев В. Н.* Столетие Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1912.
14. Тальберг (2006) — *Тальберг Н. Д.* «Человек вполне русский». Император Николай I в свете исторической правды // Русская быль: очерки истории Императорской России. М., 2006. С. 277–538.
15. Тарасов (2007) — *Тарасов Б. Н.* Николай Первый. Рыцарь самодержавия. М., 2007.
16. Треволев (1877) — *Треволев Л. В.* Плещеевский бунт. (Эпизод из крестьянских волнений) // Древняя и новая Россия. 1877 г. № 10. С. 162–168.

17. Федоров (2003) — *Федоров В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003.
18. Федотов (2002) — *Федотов В. Г.* Гагаринская вотчина // Возвращение к истокам. Краеведческие чтения. Вып. 1. Гаврилов-Ям, 2002. С. 23–33.
19. Фирсов (2010) — *Фирсов С. Л.* Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин // Церковь и время. 2010. № 3. С. 151–192.
20. Фирсов (2021) — *Фирсов С. Л.* «Якорь спасения». Православная Церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. СПб.: Изд-во СПбДА, 2021. 464 с.
21. Фотий Спасский (2010) — Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов. М., 2010.